
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольских народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Т. Д. Скрынникова

Значение термина *ulus* в «*Erdeni-yin tobċi*» Санан-Сэцэна

Слово «улус» является важнейшим термином, отражающим политическую реальность в Монголии XVII в., когда появилось большое количество посвященных династической преемственности власти потомков Чингис-хана летописей, дававших оценку прошлого с позиций современности и обосновывавших легитимность господства хагана и общности, которую он возглавлял. Семасиологический анализ, предложенный автором статьи, выявляет разные значения термина и типичные словосочетания, в которых он встречается.

Ключевые слова: политика, термины, история Монголии, верховная власть.

XVII в. — это период, когда монголы опять выступили в качестве активных агентов на политической арене. Именно поэтому его изучение представляет большой интерес для понимания политических процессов в регионе. Возрождение монгольской общности после распада империи началось раньше (1464), при Даян-хане (1470—1543), собравшем под свою эгиду значительную часть монгольских племен и восстановившем значение фигуры хагана как символа общемонгольской консолидации. Важность именно этого периода подтверждается появлением в XVII в. летописей, отразивших как текущую историю, так и оценку прошлого в современной им интерпретации. Характерной чертой этих источников является то, что они почти исключительно посвящены династической преемственности власти потомков Чингис-хана, соответственно, обоснованию легитимности господства хагана и состоянию общности, которую он возглавлял. Адекватному пониманию происходивших в тот период процессов может способствовать выделение и анализ понятий их синонимов и других примыкающих к ним терминов, моделировавших границы общности, и семантическое поле, которое окружает эти понятия. Одним из важнейших терминов, отражавших политическую реальность рассматриваемого периода, был термин *ulus*, семасиологический анализ которого позволит выяснить разные его значения, а также определить типичные словосочетания, в которых этот термин встречается.

В идентификационных практиках XVII в. термин *ulus*, который также употребляется для обозначения территории проживания монголов — *Mongyol-un ʒaɣaɣ* ('монгольская земля'), может быть даже в смысле «страны» ('страна монголов') часто встречается со словом «монгол» [*Erdeni-yin tobċi*, 1990.

3. 84, 87, 140, 157, 169, 177, 179]. Это понятие использовалось как для характеристики предшествовавшего периода, так и для описываемого настоящего. Сакья-пандиту пригласили распространять буддизм «в монгольской земле» (*монг. kiɣaɣar Mongyol-un ʒaɣaɣ-a* [Ibid. P. 82]). Далай-лама III отметил, что в монгольской земле много луусов, шимнусов, онгонов и пр. [Ibid. P. 148]. Упоминается распространение «ханского рода на монгольской земле Бэдэ» (*монг. Bede mongyol-un ʒaɣaɣ-a qad-un ɣuɣu* [Ibid. P. 46]).

Естественно, самый ранний период, к которому относится словосочетание *mongyol ulus*, это эпоха Чингис-хана. Согласно Саган-Сэцэну, Чингис-хан заявляет, что с этого времени *Köke mongyol* будет называться *Köke ulus mongyol* (*Köke mongyol ulus*) [Ibid. P. 56]. Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях ЕТ) позволяет предположить, что данный идентификационный маркер еще не закрепился в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин *ulus* не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то можно было бы перевести его как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое — 'улус синих монголов' (в значении политики), и второе — 'синие монголы' в значении 'народ'. Возможность второй интерпретации подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингис-хана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминается «увеличивающиеся в числе (разрастающиеся) подданные — монгольский народ твой» (*монг. ɣɣumal aɣul albatu Mongyol ulus cinu* [Ibid. P. 82]). В данном контексте словосочетанием *Mongyol ulus* совершенно определенно обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань».

Словосочетание *Mongyol ulus* в тексте «Эрдэнийн товчи» встречается довольно часто. В период «малых ханов» ойратский Батула-чинсанг убил монгольского Элбэг-хагана, захватил его сына Олдзэйтунхунтайджи и «подчинил себе большую часть монгольского народа» (монг. *Mongyol ulus-un yekengki-gi anu oγoyuluysan* а_{ЕЦУУ} [Ibid. P. 101]). Здесь *Mongyol ulus* может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима ‘Монгольский улус’, так и в качестве этнонима (монгольский народ/монголы). *Mongyol ulus* является объектом действия и имеет амбивалентное значение также в следующих двух контекстах: «Монгольский улус силой возьму» (монг. *Mongyol ulus kücün-iyer buliya* _{ЕУ} *odumu* [Ibid. P. 179]); «так как я не хочу навредить монгольскому улусу, а ты думаешь о торо, требуй своих нойонов миром» (монг. *bi Mongyol ulus-tur maγū ülü kikü-yin tula : ta törö-yi sana* _{ЕУ} : *noyan-iyau eye-ber nekekü bügesü* [Ibid. P. 183]). В данных случаях речь может идти как о монгольском улусе как о политике, так и о монголах как об этнической общности в противовес ойратам.

Впоследствии, во времена Эсэху-хагана, у ойратов тайком выкрали Олдзэйтунхун-гоа, Адзай-тайджи и Аругтай тайши и «отправили их к их родственникам к монголам» (монг. *törküm-dür-iyen Mongyol ulus-tur ileger-ün* [Ibid. P. 103]). Этот последний случай также связан с понятием «народ, люди» и имеет этнические коннотации, поскольку подчеркивает кровнородственную связь. Можно с большой долей уверенности приписать это последнее значение понятия и следующему выражению, поскольку речь идет о собирании множества, т. е. людей, народа: «После этого в короткий срок собрали монгольский народ» (монг. *tegünü qoyina Mongyol ulus qogomqan* _{ЕАҮУ} *a tökögerün бүкүйе* [Ibid. P. 102]) и ханом стал старший сын Элбэг-хагана Гун-Тэмур, который правил три года.

Безусловное значение словосочетания *Mongyol ulus* как ‘монгольский народ/монголы’ отмечается и в других контекстах. Например, в поговорке: «У монголов мудрости мало, гордости много» (*Mongyol ulus-un bilig ücükен : omoy yeke* [Ibid. P. 166]). Другой пример связан с ситуацией, когда Далай-лама приехал в Монголию и «увидел своими глазами, как грешит монгольский народ» (*Mongyol ulus-i nigülesküi-yin nidün-iyer* _{ЕЕЕН} [Ibid.]). Следует обратить внимание на то, что здесь *Mongyol ulus* выступает субъектом действия, как и в следующем случае: «в то время как монголы опасались за свои окраины» (монг. *ЕАҮА-даки Mongyol ulus emiye* _{ЕҮ} *yabun atala* [Ibid. P. 183]).

Безусловно, *Mongyol ulus* выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если разрушить нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. *erten-ü döcün tümen Mongyol ulus-aça ülegsен : enekü-ken* _{ЕГҮҮҮА} *tümen ulus-i ebdebesü* [Ibid. P. 131]). И

сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

Вышеуказанные примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. В данном случае владение (улус), с одной стороны, выступает в качестве его богатства, с другой же стороны, как сообщество подданных, является объектом, к которому хаган проявляет патерналистское отношение в качестве «владыки» (*е_{ЕЕН} / qan е_{ЕЕН} / qaγan е_{ЕЕН} / ulus-un е_{ЕЕН} / е_{ЕЕН} boyda / tenggelig boyda е_{ЕЕН}*), обозначаемого как «хаган-отец» (*qaγan е_{ЕЕН} е_{ЕЕН}* [Ibid. P. 186]). Вышеперечисленные термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или кем-либо, например домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, прибывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли... послы чахарского Тумэн-хагана» (монг. *Kitad-un Daiming Vanli qaγan-u е_{ЕЕН}... Сагаг-un Түмен qaγan-u е_{ЕЕН}*) [Ibid. P. 165]).

Выражение *ulus-un е_{ЕЕН}*, которое можно интерпретировать как ‘владыка улуса’, является распространенным словосочетанием: *Magada ulus-un е_{ЕЕН}* [Ibid. P. 11]; *Kaci ulus-un е_{ЕЕН}* [Ibid. P. 12]; ‘владелец улуса, называемого «Монгольский», перерожденец бодхисатвы, хаган по имени Годан’ (монг. *Mongyol kemekü ulus-un е_{ЕЕН} anu bodisadu-yin qubilyan Köden neretü qaγan* [Ibid. P. 84]); «Пусть Даян владеет улусом... [сказала Мандухай и] воспитала владыку улуса Даян-хагана» (монг. *dayan ulus-i е_{ЕЕН} е_{ЕЕН} bolтуγai ...ulus-un е_{ЕЕН} Dayan qaγan-i ükertür tege* _{ЕҮ} [Ibid. P. 123]).

Как видим, констатация статуса хагана как владыки (владельца/господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i е_{ЕЕН} е_{ЕЕН}*) или овладения (*ulus-i abcu*) улусом. Так, тангутский Шидургу-хаган сказал: «Я владел всем улусом до недавнего времени, я ли не хаган» (монг. *qamuγ ulus-i е_{ЕЕН} e_{ЕЕН} baray-a edüi-e : qaγan buyu bi* [Ibid. P. 69]); Чингис-хан говорит: «владею моим внешним пятицветным улусом» *γadaγadu tabun öngge ulus-i minu е_{ЕЕН} е_{ЕЕН} е_{ЕЕН}* [Ibid. P. 75], который он завоевал и стал владыкой, что следует из следующего текста: «владыка-богдо по имени Темучжин [сказал]: “Пойду, захвачу улусы разных сторон (досл.: там-сям расположенные. — Т. С.)”» (монг. *е_{ЕЕН} boyda Temüjin kemekü : endeki tendeki ulus-i abcu yabunam* [Ibid. P. 71]). О Тогон-Тэмуре сообщается, что он «властвует во внешнем улусе» (монг. *γadaγatu ulus-tur е_{ЕЕН} е_{ЕЕН} erken yabuqu* [Ibid. P. 91]).

Что обозначалось словом «улус»?

Прежде всего следует отметить те случаи употребления термина, которые несут его первоначальное

значение — ‘народ’, ‘люди’. Наиболее показательной является фраза: «Тот самый народ страны Шамбала» (монг. *Sambala-yin ogon-u terekü ulus* [Ibid. P. 174]), где эксплицитно названы жители страны. Подобное значение можно отметить и в следующем случае: «Подвластные люди (подданные. — *T. C.*) местности Гамсу во множестве приняли великую добродетельную парамиту» (монг. *Gamsu-yin ʒaɣaɣtur qarɣiyatu ulus : ʃaylasi ügei yeke buyan baramid-I ergün* [Ibid. P. 160]). Не вызывает сомнений значение термина *улус* и в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили... когда на тот безродный народ напали и захватили» *tere ulus-ača surabasu... tere oɣorɣaɣ ulus-i duɣulɣu abqui-dur* [Ibid. P. 49]. Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. — *T. C.*) устроили пир» (монг. *Tatar ulus qurimlan* [Ibid. P. 51]), Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (монг. *amaɣaɣ ulus-un gerte ogoɣu* [Ibid. P. 52]), где его, как известно, отравили. Упоминаются народы кочующие *ködelkü ulus* [Ibid. P. 153] и оседлые *saɣuqui ulus* [Ibid. P. 72].

Народ можно захватить (*abqu*) — «захватили тридцать одно кочевье и людей» (монг. *үсін ниген нутуу ulus-i abcu*) [Ibid. P. 58]), здесь, как видим, раздельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (монг. *ulus irgen kiged-i aɣulɣu abun* [Ibid. P. 139]), на что прямо указывает парное слово *ulus irgen* — ‘люди’. В значении «захватить» используется и другой глагол — *buliyaqu*. «Монголов захвачу силой» (монг. *Mongyol ulus kücün-iyer buliyaɣu odumu* [Ibid. P. 179]). О том, что *улус* — это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (монг. *ulus mal-i talaɣu abun* [Ibid. P. 141]). О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Манимингату, «захватил всех людей» (монг. *ulus bügüde-yi ogoɣulɣu abuɣad* [Ibid. P. 138]) вместе с его вдовой — Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Бохэгутэм. Здесь глаголу *abqu* сопутствует глагол *огоулу* (‘приводить’), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении «привести кого-либо в свои владения» используется и глагол *tataqu* (‘тянуть’): «поскольку народ привели издалека» (монг. *qola-yin ulus-i tataqu-yin tula* [Ibid. P. 40]). Можно также «привести людей [рода] уджид» (монг. *Üjüyed ulus kürgeɣü* [Ibid. P. 187]). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как их делить после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зула-хатун, жены Бадма-самбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» (монг. *Badm-a yügen ulus-i*

bida yakin qubiyamui [Ibid. P. 138]). С народом можно объединяться и его собирать: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — *T. C.*) соединились со своим великим народом» (монг. *aq-a degüü yeke ulus-luɣaban neyileldün*) и «собрали весь народ» (монг. *narmai yeke ulus-i qurıyan ʃuɣlayulɣu* [Ibid. P. 181]) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. Причем правящая верхушка, как мы видим, отделена от народа, на что указывает и случай с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (монг. *qatun köbegüd ulus inu nekeɣü kelelčeküi-e* [Ibid. P. 183]).

Завоевания ведут к приумножению подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (монг. *albatu ulus oldaqu* [Ibid. P. 57]). Хонгирадский Вчирсэцэн сказал: «Владыка мой... пусть твоих подданных будет много» (монг. *eɣen minu... albatu ulus činu elbeg boltuɣai* [Ibid. P. 69]). Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины. Так, Чингис-хан говорит: «весь подданный народ мой» (монг. *yerüngkei albatu yeke ulus minu* [Ibid. P. 75]). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни, разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (монг. *qaralmai ulus minu : qairan ʒaɣar minu* [Ibid. P. 80]). *Улус* можно разорить (*ebdekü*). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (монг. *ʒaɣar ulus-i inu ebden yabuqui-dur* [Ibid. P. 182]). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (монг. *ʒaɣad ulus-i inu ebdeɣü ɣobaɣan yabuqui-dur : Kitad ulus yekede aɣuɣu* [Ibid. P. 138]), и после этого похода он получил от китайцев титул и золотую печать.

Как видим, подданные обозначаются и другим термином (*qaralmai*), который употребляется неоднократно. Бортэ говорит: «Не любовь ли Борте, не смелость ли подданных — сила моего хана-владыки?» (монг. *Börte ɣüsün-ü duran buyu : qaralmai yeke ulus-un eɣoɣıy buyu : qan eɣen-ü man-i kücün bui ɣ-e* [Ibid. P. 60]). О Чингис-хане говорят, что «августейший владыка проявляет любовь к своим подданным» (монг. *boɣda eɣen qaralmai ulus-taɣan qayıra kiɣü* [Ibid. P. 73]). Показателен также плач сунитского Гилугэна по смерти Чингис-хана, в котором неоднократно упоминаются подданные, страдающие после смерти владыки: «подданный великий народ твой рассеялся» (монг. *qaralmai yeke ulus činu qaɣ-a kereg tarqam ɣ-e*), «подданные твои стали ничтожными» (монг. *albatu ulus činu ečügüyidem ɣ-e*), «любимый великий народ твой рассеялся» (монг. *qayıran yeke ulus činu tarqam ɣ-e* [Ibid. P. 80]). На то, что *улус* означает множество, а не государство, указывает фраза из этого плача: «Весь великий народ оплакивает тебя» (монг. *qamuy yeke ulus anu küilen qayılan yabuqui-a* [Ibid. P. 81]).

В последних примерах термином *ulus*, безусловно, обозначается народ, люди, которые рассеиваются, становятся ничтожными, плачут. Следует также отметить, что в этих примерах, в отличие от преж-

них, где улус выступал как объект, на который направлены действия разных акторов, народ является субъектом действия. Примеры, где народ, люди выступают субъектами действия, можно продолжить. Уже упоминались монголы, которые опасались нападения на окраинах (монг. *ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ emiyeᠦᠦ yabun* [Ibid. P. 183]). Люди как субъекты действия могут молиться, что упоминается в рассказе о монахе Нилом-талада, отправившемся в Монголию, где «люди, встречавшиеся на его пути, молились» (монг. *ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠤᠯᠤᠰ am-un [aliba] ulus mörgöged* [Ibid. P. 154]), принимали обеты абишиг и слушали учение. Далай-лама «своими глазами видел, как грешит монгольский народ» (монг. *Mongyol ulus-I nigülesküi-yin nidün-iyer üᠡᠨ* [Ibid. P. 166]). Это уже вполне индивидуальные действия, присущие членам общности, обозначаемой как улус. Можно также вспомнить и качества, присущие людям, о которых говорилось выше: недостаток мудрости у монголов (Mongyol ulus) и много гордости [Ibid. P. 166]).

Но все-таки улус чаще и в значении 'народ, люди' является объектом действий властвующей элиты, у которой были не только права на них как у господ и владельцев, но и обязанность воспитывать, обеспечивать мир, спокойствие и счастье людей. «Если воспитываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» (монг. *narmai yeke ulus-i šasin törö-ber teᠡᠭebesü : qaγan kemeᠭdekü-yin γabiy-a inu ene boluyu* [Ibid. P. 184]). Юнло, рожденный монгольской женой, став императором в Китае, правил двадцать два года и благодаря двум законам «сделал весь великий народ благополучным и мирным» (монг. *narmai yeke ulus-i esen tayibing bolγaᠡᠨ* [Ibid. P. 186]). Его сын Суванди-хаган также «благодаря двум законам дал мир и счастье всему великому народу» (монг. *qoyar törö-ber narmai yeke ulus-i engkeᠡᠭigülün ᠡᠶᠢᠭᠠᠶᠤᠯᠤᠭᠠᠳ* [Ibid. P. 187]).

Выше уже говорилось о том, что улус — это то, чем владеет правитель, поскольку он обозначается как *ulus-un* *ᠡᠨ*. Одновременно с упоминавшимся выше представлением о разделении понятия «земля» (*γaᠡᠭᠠᠭ* и *nutuᠦ*) и «люди» (*ulus*) нельзя не отметить и существование концепта «владение», в котором эти две составляющие сочетались. Именно так, на мой взгляд, следует интерпретировать выражение *Sayang secen qong tayiᠡᠶᠢᠨ ulus* [Ibid. P. 181], т. е. 'владения Саган Сэцэн-хунтайджи' в местности Их шибэр. Хотя, кажется, прежде всего подчеркивается владение людьми, составлявшими определенную социально-политическую единицу. Представляется корректным не давать перевода термина *ulus*, чтобы не затемнять значения феномена, который им обозначается, тем более что он может употребляться не с именем правителя, а с этнонимом. Чингис-хан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (монг. *Tayan qaγan-i köᠭeᠡᠦ ᠶᠠᠷᠭᠠᠭᠠᠳ : naiman otoγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai* [Ibid. P. 70]). Здесь употреблено парное слово (*оток улус*), где первое обозначает род, что подчеркивает неполи-

тийное значение термина *ulus*, т. е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы выделяемых в качестве приданого невесты людей, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданого дали людей двух родов — буга и солонго» (монг. *Buqas Solongγos qoyar otoγ ulus inᠡᠲᠡᠭ ᠭᠦᠳᠦᠵᠢᠰ* [Ibid. P. 59]). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом скорее всего свидетельствует о том, что и здесь *улус* обозначает народ, людей, которые перемещаются в пространстве.

Безусловно, термином *ulus* маркируется некая общность: «Даян-хан приказал так: "Есть великий славный улус, охраняющий восемь белых юрт владыки в Ордосе. Вместе с ним [пусть будет] еще один славный улус, хранящий золотой фонд владыки — урянхан. Пусть помогает хорчинский Абагатай"» (монг. *Dayan qaγan eyin ᠡᠷᠯᠢᠭᠢᠨ ᠪᠣᠯᠣᠷᠤᠨ : Ordos ᠡᠨᠡᠨ-ᠦᠨᠠᠶᠢᠮᠠᠨ ᠴᠠᠶᠠᠨ ᠭᠡᠷ-ᠢᠴᠠᠳᠠᠶᠠᠯᠠᠶᠰᠠᠨ yeke ᠡᠶᠠᠶᠠᠭᠠ-tu ulus бүлүге : tegün-lüge Uriayangqan mön ᠡᠨᠡᠨ-ᠦᠨᠠᠲᠠᠨ көмөрᠭᠡᠭᠡ-ᠭᠢ saᠵᠢᠶᠰᠠᠨ basa yeke ᠡᠶᠠᠶᠠᠭᠠtu ulus : Qooᠷᠴᠢᠨ Abaγ-a-tai tuslatuᠶᠠᠢ* [Ibid. P. 128]). Здесь, вероятно, *улус* отмечает не всю общность — урянхан, а часть их.

Если выше речь шла об использовании термина *ulus* для обозначения в качестве объекта действия людей или народа, то приведенные ниже примеры демонстрируют значение *улуса* как политики: Чингисхан «Токмакский улус подчинил своей власти» (монг. *Toᠭᠮᠠᠭᠤ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai* [Ibid. P. 70]), «подчинил своей власти Китай (китайский улус. — Т. Д.)» (монг. *kitad ulus-i erke-dür oroγuluᠶᠰᠠᠨ* [Ibid. P. 64]), «подчинил своей власти улус хоолас» (монг. *Qoolas ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai* [Ibid. P. 71]), «подчинил своей власти улус харлигуд» (монг. *Qarliγud ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai* [Ibid.]) и «пять областей шара-сартулского улуса подчинил своей власти» (монг. *tabun muᠡᠶᠢ Sira Sartayul ulus-i erke-dür-iyen oroγulᠶᠠᠭ* [Ibid. P. 70]). В последнем случае политичность *улуса* подчеркивается территориальными коннотациями, что отмечается также и в следующем сообщении: «завоевал Хара-Тибет (Черный Тибет) — три области, восемьдесят восемь тумэнов» (монг. *γurban muᠡᠶᠢ nayan naiman tümen Qara Töbed ulus-i oroγulba* [Ibid. P. 71]), где, как видим, улус — это и территория, и люди. В аналогичном смысле упоминается Корея: «Захватил тот Белый улус — три области Кореи» (монг. *teyᠢᠨ ᠴᠠᠶᠠᠨ ulus γurban muᠡᠶᠢ Solongγos-i oroγulᠡᠨᠠᠪᠤᠨ* [Ibid. P. 59]).

Но этим термином может маркироваться и целостность, когда сообщается, что «твой улус — чахарский тумэн» (монг. *ulus činu ᠴᠠᠬᠠᠷ түмэн* [Ibid. P. 124]), и таким образом подчеркивается связь понятия *ulus* и с людьми, и с административной единицей.

Неопределенность значения термина *ulus* в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребы-

вал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (*монг.* *tendeče Dayan qaγan* : *ᠡᠢᠷᠢᠭᠤᠭᠠᠨ түмен ulus-i* *ᠡᠭᠦᠩᠭᠢᠯᠠᠨ төкөгирчү* : *narbai yeke Mongγol ulus-i engkeᠡᠭᠢᠭᠢᠯᠠᠨ ᠡᠢᠷᠢᠭᠠᠭᠤᠯᠤᠭᠠᠳ* : *dalan dörben* *ᠡᠢᠯᠡ qan oron-dur saγuᠡᠭᠤ* : *naγan nasun-iγan güi taulai* *ᠡᠢᠯᠡ tengri bolbai* [Ibid. P.130]). Здесь, как видим, термином *ulus* обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь Великий монгольский улус, что позволяет предположить, с одной стороны, некую самостоятельность тумэнов, с другой — недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (*монг.* *tendeče Dayan qaγan baraγun γurban-i burin oroγulun* : *ᠡᠢᠷᠢᠭᠤᠭᠠᠨ түмен yeke ulus-iγan tökögerün tübsidkeged* [Ibid. P. 129]). В результате образованная им полития называется и Великий монгольский улус, и Великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии установившегося наименования общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он «объединил свой великий улус», и Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов] сказали, нужно назначить джинонгов... и в трех правых [тумэнах] назначили джинонгом Улус Болада» (*монг.* *ᠡᠢᠷᠢᠭᠤᠭᠠᠨ yeke ulus-un alban-i γubčiqi yosutu* : *ᠡᠢᠨᠠᠩᠭᠡᠨ bolγan... kemegsen-dür* : *Ulus bolad-i baraγun γurban-dur* : *ᠡᠢᠨᠠᠩᠭᠡᠨ bolγar-»* [Ibid. P. 124]). Хутубага говорит: «Молян хаган, я тебя убью, твой улус захвачу» (*монг.* *Molan qaγan čimai alaᠡᠭᠤ ulus-i činu abuγ-»* [Ibid. P. 118]).

Вышеприведенные примеры демонстрируют значение термина *ulus* в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общно-

стью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении 'государство' в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин *ulus* не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления, отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином *ulus-un* *ᠡᠢᠯᠡᠨ* подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина *ulus* как субъекта действия совершенно определенно связаны с его начальным значением — 'народ', 'люди'.

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина *ulus*, которое может одновременно интерпретироваться как аморфная масса — люди, народ и как некая форма общности — полития. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления о верховной власти, только начинает формулироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В Монголии рассматриваемого периода, во-первых, трудно обнаружить пример безличного употребления термина *ulus*, т. е. обозначения им субъекта действия, и, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Литература

Erdeni-yin tobči ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Uрга text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Fac-

ulty of Asian Studies Monographs: New Series. N 15. The Australian National University. Canberra, 1990.

T. D. Skrynnikova

The meaning of the term *ulus* in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen

«Ulus» is the most important term for the political reality which existed in the XVII century Mongolia. At that time a good number of chronicles dealing with the dynastic succession of Chinggis Khan descendants was composed. They justified the legitimacy of the Hagan's rule over the community. The author gives a semasiological analysis of the term, identifies its different meanings and typical phrases in which it occurs.

Key words: *politia*, terms, the history of Mongolia, the Supreme power.